



8. АНАЛІТИКА



Наталья Анатолиевна Бельская,
заведующая сектором разработки диагностических технологий отдела диагностики одаренности Института одаренного ребенка НАПН Украины, практический психолог,
г. Киев, Украина

УДК 378.091

ОЧЕРК О РАЗУМЕ (сокращенный вариант)

До сих пор есть люди, принимающие «революцию» за чистую монету, при этом их нельзя назвать **неумными или неопытными. Просто...** канал критического восприятия оказался заблокированным – **и все.**

М. Михайленко, укр. журналист

По поводу вынесенного в качестве эпиграфа замечания автору кажется, что в голове части «умных и опытных» людей, «винтик», отвечающий за критическое мышление, может быть легко «сдвинут» усилиями внешних сил.

Между тем практически по любому определению так называемого «ума» (при множестве дефиниций) в его содержание войдет явное или неявное упоминание о достаточной либо необходимой – **эффективности** критического мышления.

У идиота тоже есть мозг. Но какова его эффективность? В распоряжении любого человека находится критическое мышление, нравится ему это или нет. Как он им распоряжается? Если какой-то загадочной силе, без применения сверхжесткой сенсорной атаки и химико-гипнотического воздействия удалось заблокировать чье-то критическое мышление, то был ли его носитель действительно умен?

Среди психологов, специализирующихся на проблемах интеллекта и одаренности, по-прежнему не существует общепринятой, разделяемой абсолютно всеми, точки зрения на интеллект («ум»). Хотя существует ряд безусловных состыковок, критериев-симптомов, против которых, пусть с оговорками, никто не возражает (то же критическое мышление).

Для объяснения одного из наиболее важных аспектов того, что в обыденной речи именуют «умом» («ин-

теллектом», языком науки) обратимся к мудрости народной [9, 10]. Примеров можно привести множество:

- «Ум без разума – беда»;
- «Умная голова, да дураку досталась»;
- «Ум за разумом не ходит»;
- «Не всяк умен, кто с головой»;
- «Умен, да не разумен»;
- «Ум разумом крепок (красен)»;
- «Ум разуму не указ, ум разуму подспорье»;
- «Ума много, да разума нет»;
- «Разум не велит – ума не спрашивайся»;
- «С ума сошел – да на разум набрел»;
- «Не живи чужим умом, живи своим разумом»;
- «Ум открывает, разум изучает»;
- «Ум доводит до безумья, разум до раздумья»;
- «Ум с умом сходились, дураками расходились».

Имеет смысл разобраться в этом принципиальном несовпадении, нетождественности «ума» и «разума», тем более что за этим тонким и глубоким «зазором», между родственными понятиями скрывается как анекдотическое «горе от ума», так и «от ума горе» в самом трагическом смысле слова.

Когда Бог хочет наказать человека, Он наделяет его умом. При имплементации этого замечательного восточного афоризма в западную культуру он претерпел радикальные метаморфозы – вплоть до инверсии смысла.



Так о чем же народ говорит так пренебрежительно? Что есть столь малоуважаемый ими «ум»? Ответами на эти вопросы могут стать такие утверждения: достаточная осведомленность в каких-то сферах; пусть блистательная, но «банальная» эрудиция; впечатляющая сообразительность («схватывает на лету»); хорошая память; прекрасная обучаемость – академическая («краснодипломная») успешность; вербальная бойкость («подвешенный язык», «за словом в карман не лезет»); понимание логики, связей и отношений; эффективное применение усвоенных символов, алгоритмов, правил, технологий; ценящая в технологическом обществе, способность генерировать (компилировать, комбинировать, рационализировать) идеи. Именно этот интеллект можно измерить, вычислить IQ в тех или иных условных единицах. Результатами таких вычислений склонны гордиться наивные субъекты.

Мало чем по своей сущностной малоценности отличается от описанного академического интеллекта «ума» так называемый «практический ум». Он основанный на понимании своей выгоды и верной оценке расстановки сил в стане «сильных мира сего». Зависимость самооценного благополучия от них субъект воспринимает как должное и неизбежное. В искусстве адаптации такой «интеллектуал» может продемонстрировать впечатляющую креативность.

Теперь о разуме. Для начала следует заметить, что в категориальном аппарате современной русскоязычной психологии понятие «разум» практически не используется. Наиболее адекватным его аналогом выступает «интеллектуальная зрелость» или «синтезированный интеллект», а иногда – «мудрость» как высший уровень интеллектуальной одаренности. Из известных нам определений мудрости, возможно, наиболее приемлемые приведенные в работах М. Холодной, в частности [13]. Она цитирует авторов, определяющих мудрость, как «способность к высокоэффективной интеграции разнообразных типов личностного опыта, начиная с необходимой, но недостаточной компетентности в определенных сферах предметного знания, и заканчивая тонким и глубоким пониманием конкретных социально-практических (также – религиозно-философских и бытийно-метафизических – Н. Б.) аспектов жизни».

Эту особую «понимательную способность» имеет смысл рассмотреть подробно. Ее основу составляет **способность видеть вещи такими, какими они есть**, т. е. реалистически-объективно, опираясь на здоровый эмпиризм, воспринимать действительность, считаться прежде всего с фактами, никогда не терять связи со здравым смыслом и элементарной логикой.

В буддизме важное значение придают понятию «таковость», т. е. способности видеть вещи такими, какими они являются, не имея никаких суждений, оценок, тем более предубеждений [4]. Это способность смотреть на «голою королю» и видеть голюю королю.

Как известно, эта способность поначалу отмечает практически у всех детей, потом у некоторых молодых людей в первые «сто дней после детства». Впечатляющей иллюстрацией последнего факта является неожиданный результат, полученный российскими преподавателями русской литературы в американском университете [6]. Сочинения студентов-филологов (молодых американцев, выросших после развала СССР и не являющихся ни «антисоветчиками», ни «про-советчиками»), посвященные «Собачьему сердцу», продемонстрировали радикально иное отношение к профессору Преображенскому.

К изумлению российских преподавателей, боготворящих М. Булгакова, на студентов не произвели ни малейшего впечатления «глубокомысленные» речения профессора ни про «разруху в головах», ни про «нечитание советских газет» и т. п. Более того, все студенты дружно выразили неприятие его экспериментов, квалифицируя их как «отталкивающие», «недопустимые», «антигуманные» и пр. И, глядя на этот предмет полудетскими, социально и политически незаангажированными глазами, следует признать эту амёбopodobную и вместе с тем опасную простоту профессора, несмотря на вполне успешные, судя по реакциям, попытки М. Булгакова придать этому образу сложность натуры интеллигентного ученого. Есть резон в замечании С. Кара-Мурзы, увидевшего в Преображенском «дикий образ паразитирующего на номенклатуре ученого-сверхчеловека, присвоившего право создать из дворняги человека, не нести за него никакой ответственности, а затем и уничтожить его» [6].

При всей кажущейся простоте этого умения (видеть предмет таким, каков есть) оно неявно, но противоречит *субъективной природе человека*. И это обнаруживается со всей очевидностью, стоит лишь перейти из мира простых конкретных предметов («стул», «стол», «дом», «машина») в мир сложных предметов и абстрактных понятий («свобода», «добро», «зло», «благо», «справедливость», «истина», «смысл жизни»). Расхождения в восприятии и интерпретациях сложных вещей естественны (объективно отражают *n*-мерную сложность мира, при *n*, стремящемся к бесконечности) и замечательны (закладывают основы социо-этнического и ментального многообразия или своеобразия, качественно обогащая культурную среду человечества). Однако нас интересует, где в этих расхождениях заканчивается царство Разума и начинается хаос Безумия. Большинство людей эту границу ощущают интуитивно, бессознательно-уверенно опираясь на генетически унаследованное, «звериное», чутье предков-эмпириков, которые не могли позволить роскошь пренебрежения непосредственным восприятием действительности.

Следует заметить, что и у этого большинства масса проблем. Мало того, что Homo socialis вступает в жизнь невольным носителем *родовых предрассудков, предубеждений, догм и стереотипов*, – как невольным исполнителем навязанных в детстве ролей



и поведенческих моделей, некритическое отождествление с которыми еще более обедняет и профанирует его неповторимо-личное мироощущение; он, будучи заложником раннего детского опыта, вынужден «отрабатывать» уже только *собственные* впечатления, страхи, комплексы, фантазии, иллюзии, которые тоже внесут лепту в искажение картины мира.

Не последнюю роль в формировании преломляющей и искажающей линзы играют *чувства, эмоции, привязанности* (каковыми есть сила и слабость человека), с их вечным антагонизмом рациональному мышлению. В случае *слабости* этот антагонизм проигрывается в неспособности сознания временно выключить эмоции для: обеспечения чистоты и эффективности работы мышления, принятия верного решения в проблемной ситуации. Внутренняя жизнь личности неизбежно пронизана всевозможными переживаниями, и это так же верно, как и то, что эмоционально (с «чувством», но без «толку и расстановки») решая жизненно важные вопросы, она обречена на неудачу сама и – что гораздо хуже – может «сломать удачу» тому, кто имеет несчастье от нее зависеть.

Имеет смысл отдельно упомянуть о таком мощном факторе, способном полностью заблокировать разум, как *самолюбие* (особо нежное, трепетно-ценностное отношение «к себе, любимому», способное побороть не только любовь к истине, но и весь остальной арсенал чувств и привязанностей, присущий данному человеку). Эта слабость человека представляет собой поистине «страшную силу» (почти как та «красота», воплотившаяся в афоризм благодаря Ф. Раневской). Человек, самолюбие которого глубоко уязвлено, может временно утратить как способность мыслить здраво и логически, так и видеть очевидное, – и речь может идти уже не столько о неразумности, сколько о временном безумии. При этом он, обладая высоким интеллектом (плюс образованностью), способен тонко и изощренно *имитировать* логику и *рационализировать* защитную реакцию, что на наивно-доверчивого слушателя (читателя) может произвести впечатление абсолютной истины.

Также понятно, что при резко выраженном дефиците рассматриваемого качества (видеть вещи, как-то они есть), субъект запрограммирован на *аутизм*, построение иллюзорной, фантастической картины мира, как минимум нарушающей его адаптацию, а как максимум, разрушающей не только его жизнь, но и жизнь тех, кто рядом.

Это особенно проявляется на интеллигенции, «утомленной», как говорил М. Зощенко, «высшим образованием», и потому больше, чем кто-либо, предрасположенной к аутизму. Вспомним, что возглавила разрушительные перестроечные и постперестроечные реформы и проекты интеллигенция и профессура, увенчанная всевозможными лаврами за *интеллектуальные* достижения. А первыми жертвами ее (перестройки и профессуры) стали рядовые «интеллектуалы», чья система жизнеобеспечения в результате самоубийственного восторга оказалась необратимо подорванной.

«Ни на ком черт так не любит кататься, как на самых премудрых»;

«Слишком умный – брат безумному»;

«Ученый муж говорит как философ, а живет как глупец» [здесь и выше – 10].

На первый взгляд, связана с предыдущей, как таковая, *способность усваивать жизненный опыт*. Может быть и действительно связана, но явно не тождественна. Более того, она вообще может мало зависеть от проанализированного выше качества, ведь можно прекрасно все видеть, осознавать и понимать, и продолжать вести себя, как безмозгло-наивное Дитя. Разумной является точка зрения, согласно которой знание, как таковое, самоценно-абстрактное, как картина на стене (не реализованное в поведении и мировоззрении, «оторванное от жизни») – уступает в ценности всем вещам.

«Образование – богатство, но лишь его применение – совершенство» [10]; *«Не будь грамотен, будь памятен»* [9].

Встречается такая способность не так часто, еще и потому, что столь же мало (во всяком случае, нелинейно) зависит от возраста и от количества пережитых событий, поскольку: *«Знает не тот, кто много прожил, а кто много постиг (далеко ходил)»;* *«Мудрость старости честнее»;* *«Ум бороды не ждет»;* *«До лысины дожил, а ума не нажил»;* *«У дурака седина от солнца»;* *«В двадцать лет ума нет – и не будет»;* *«Дал Бог клад, да не умели взять»* [здесь и выше – 9]; *«Вижу бороду, но не вижу мудреца»* (Авл Геллий); *«Не годами, а природным дарованьем достигается мудрость»* (Плавт) [2].

Однако те же «нелинейные» отношения субъекта с собственным опытом могут проявиться неожиданным, «обратным» образом, когда некто юный и «безбородый» вдруг демонстрирует необъяснимую, *необъяснимо-опытную* чувствительность, сквозь которую проступает следующий фактор разума – *способность предсказывать, предвидеть события*.

Понятно, что речь идет о способности предсказывать не столько на основе полной, исчерпывающей информации, сколько на основе одной детали, второстепенного штриха, мелочи, фрагмента. Это – способность читать между строк, слышать не(до)сказанное, чувствовать в незначительном событии и начало радикальных изменений, и цепь необратимых последствий.

«Думать хорошо, а отгадать того лучше»; *«Догадка лучше ума»;* *«Умному не говори – сам узнает»;* *«Умному свисти – а он уж и смыслит»;* *«Мудрый слышит в полслова»;* *«Услышав одно (слово), узнать десять (слов)»* [здесь и выше – 10]; *«Глупец познает только то, что свершилось»* (Гомер) [2].

Здесь проявляется поистине бесценное качество разумной личности – *интуиция*. Проявляется она как: бессознательное, *минимально искаженное* неизбежным субъективизмом обобщение личного опыта и не только; таинственное, до сих пор не признаваемое академической наукой *до-опытное* (или *сверх-опытное*) знание; возможность *бессознательно опереться*



на опыт предков, воплощенный в культурно-исторической традиции (или в архетипизированном видовом опыте-памяти), представляющей, с точки зрения К. Лоренца, огромный фонд информации, которая не может быть подтверждена научными методами, но ценность которой не подвергается сомнению, поскольку многократно подтверждалась эмпирически [6].

В свое время как глас вопиющего в пустыне прозвучал на XIX конференции КПСС известный вопрос Ю. Бондарева: «Самолет вы подняли. Куда сажать будете? – внизу бескрайнее болото» (цит. по памяти). Сначала писателя подвергли остракизму за диссонанс во всеобщей «перестроечной» радости, а потом – за свершившееся мрачное пророчество: ведь человеческие потери от «рухнувшего в болото самолета» были сопоставимы с потерями в Великой Отечественной войне.

Исключительную важность в «понимательной способности» человека имеет аспект, который проявляется в *особой чувствительности к глубинному социально-психологическому контексту происходящего*, в частности, к чтению подтекстов, скрытых воздействий и мотиваций партнеров по общению, т. е. к *распознаванию манипуляции*. Эта чувствительность в большинстве случаев уже является способностью второго порядка, поскольку базируется на упомянутой выше способности к эффективному усвоению жизненного опыта: ведь чтобы понять, что им тайно и цинично воспользовались далеко не в благородных целях. Человеку в большинстве случаев нужно сначала стать жертвой этого использования, потом понять, что произошло, оскорбиться (если с чувством собственного достоинства все в порядке, что совсем не факт) и учесть опыт (ввести определенную поправку на восприятие социально-психологических стимуляций, улучшить качество этого восприятия).

Происходя из того же корня, но будучи иначе ориентированной, эта чувствительность (к *глубинному психологическому контексту*) развивается у разумного субъекта в обязательно *высокую рефлексивную культуру*. Речь идет о способности к отстраненному самонаблюдению, пусть и запаздывающему, но понимание своего *все равно субъективизма*, мотивирующего его поведение (*Товар полюбится – ум расстутится* [10]), а также о культуре, позволяющей если не абстрагироваться от ограниченности и «принудительности» своего раннего эмоционального опыта, по преимуществу, (влияние которого трудно переоценить и невозможно отменить), то также делать на него требуемую поправку.

Совсем не декларативен лишь афоризм «Познай себя – и ты познаешь весь мир» (*Знай себя – и будет с тебя!*).

При всей индивидуальности опыта любого человека основу его составляет общая для большинства психически здоровых людей потребностно-мотивационная структура и обусловленная ею система восприятия и реагирования. Так, Э. Фромм называет ее «социальным характером», представленным в

конкретной личности наряду с характером индивидуальным [12]. Только поэтому могла возникнуть и претендовать на статус науки *психология*. Также знанием этих вещей можно объяснить успех «мыльных опер» (поставленных по одному сценарию). Будучи носителем «социального характера», в т. ч. рефлексивный субъект получает возможность самостоятельно *разбираться в иерархии базовых мотивов поведения* конкретного человека с учетом его индивидуального характера, статуса, возможностей и перспектив, имеющихся на данный момент. Видя перед собой «человека смиренного, робко озирающегося»; «человека мечтающего, жаждущего»; «человека деятельного, ненасытного», можно безошибочно прогнозировать поведение каждого из них, как и наиболее вероятный финал их судеб.

Одним из классических образцов такого «разбора» является хрестоматийная пушкинская «Сказка о рыбаке и рыбке». Изменения в поведении старухи-жены-рыбака, приобретающей без личных усилий все, что взбредет в ее – вовсе не патологически, а «нормально» жадную – голову, отражают психологию не имеющего национальной или исторической «прописки» классического обывателя. Однако лишь единицы из людей способны, начав читать сказку, понять, каким будет последнее желание старухи, – не на основе логической догадки, а на основе знания этой общечеловеческой особенности.

В этом контексте вернемся к *самолюбию* и связанному с ним, хотя и не тождественному – *тщеславию*.

К сожалению, история народов и государств, истории бесчисленных судеб маленьких людей переполнены *поступками* и *решениями*, совершенными и принятыми именно на основе этих двух человеческих слабостей, которым тут же (или после) был придан внешне приемлемый «рациональный», «объективный» вид. И хотя некоторые из них, неожиданно для субъекта и его жертв, действительно оказались «исторически» уместными и целесообразными, *квазиразумными*, почти разумными, следует оговорить, что на самом деле оппозиционная пара *«самолюбие/тщеславие»* – *«разум»* способна «дружить» до определенного предела. Далее ее участники будут вынуждены вытеснять друг друга из сферы влияния: либо *самолюбие*, раздувшись, как раковая опухоль, «укажет» разуму на его более чем скромное подчиненное место, выключая из интеллектуального арсенала не только способность к рефлексии, но даже и первичную, базовую способность к здравому смыслу и элементарной логике; либо произойдет обратное, и элементарное *самоуважение*, что не позволит человеку пойти на поводу собственной уязвленности или чьей-то лести.

«Умной спеси не бывает»; «Мудрость освобождает умы от тщеславия» (Сенека-младший).

Однако и то, и другое следует прежде *отрефлексировать*, осознать специфическую эмоцию именно как *помеху*, а не поддержку (в случае лести), а затем – *захотеть* от нее избавиться. И здесь, при всей



континуальности психического ряда, обнаруживается вполне четкий водораздел: захочет или не захочет субъект принять принципиальное решение, поскольку оно оставляет его в рядах счастливо неразумной «массы», либо переводит в трагически обремененную разумом «элигу».

«Жажда славы – последнее, от чего отрешаются мудрецы» (К. Тацит). Если решение принято в пользу последнего, то дальше – не легче, поскольку предстоит если не выключить прессинг самолюбия волевым усилием, то хотя бы взять его под контроль сознания, «оттормозить», насколько это возможно, например, для вспыльчиво-самолюбивого холерика. Это указывает на важную роль *волевой регуляции*, без активного включения которой эффективность разума слишком незначительна, теоретична и перманентно потенциальна.

Эта культура делает для Homo sapiens не только возможным, но и неизбежным понимание как собственной *иррациональности*, так и *иррациональности* природы человека вообще, что не позволяет ему обольщаться «объективными» обобщениями и концепциями.

Нельзя во многих случаях не согласиться с З. Фрейдом: за какой-нибудь изоцинично-интеллектуальной рационализацией действительно может стоять проблема, например, недолеченного энуреза.

Еще более убедителен был Л. Толстой («Анна Каренина»), когда говорил, что за нашими попытками *защитить в споре истину* большей частью стоит наша безотчетная «любовь» к этой «истине», предмету, воспринимаемому как «истина» (т. е. *страсть, пристрастие*), корни происхождения которого для нас далеко не всегда постижимы. Имеет смысл договориться – не только *страсть-любовь*, но и *страсть-ненависть*, которая тоже воспринимается не дозревшим до разума субъектом как «истина».

Таким образом, движение субъекта по пути, ведущему к разуму, на определенном этапе неизбежно включает понимание: по-детски смешно и неразумно – иррациональному, пристрастному, придавать вид чего-то «объективного», «беспристрастного».

В. Розанов потому произвел на многих чарующее, ошеломляющее впечатление (за которое ему «все простили», как заметил Н. Бердяев), что он никогда не придавал этой ложной «канто-гегелевской», софистической формы («это так, и никак иначе, поскольку...») своим ощущениям, а непосредственно выражал то, что он «любил», по терминологии Л. Толстого, то, что чувствовал, и никогда не опускался до наивной аргументации – «я (не) люблю это, потому что...» Возможно, единственно аристократическая формула здесь и выглядит по-розановски, хотя он никогда ее не произносил: «Я (не) люблю это, и basta. Dixi».

В упомянутой «Анне Карениной» внимание привлекает экзистенциальная ситуация близкого к суициду Левина и трактовка ее Л. Толстым, который точно использует понятие «плутовство ума», «мошенничество

ума». Это указание на действительно сомнительную функцию «ума» (поистине, «когда Бог хочет наказать человека, он наделяет его умом»), возможно, одно из немногих в мировой литературе. Развивая его краткую, едва очерченную, мысль, поясним – доверчиво передав «уму» полномочия в решении экзистенциальных («конечных») вопросов, человек значительно рискует: ум «заведет» и погубит своей тревогой и сомнениями; ум – не открывает смысла жизни, а открывает ее бессмыслицу. Постольку поскольку «экзистенциальные вакуумы» – это действительно привилегия несомненно умных, думающих личностей. «Ум» прежде всего требует «окончательного смысла», но «смысл» – это то, что всегда будет именно от «ума» и сокрыто, и недоступно, а доступно чему-то другому в человеке (сердцу? разуму? духу?). «Ум» – это средство понять собственную ограниченность, «запрограммированность», бессилие. И в этом его смысл, назначение. Прийти, в конце концов, к обесцениванию самого себя. Изобличить собственное «плутовство и мошенничество».

Вернемся к спорам (*защите истины* в спорах, и к самоценной страсти к спорам). Следует признать, что приемлема дискуссия меж равными, т. е. теми, кто *в равно высокой степени компетентности* владеет предметом дискуссии, или способен удовлетворяющим оппонента образом изложить его точку зрения. Индийские философы не начинали основной этап дискуссии, прежде чем каждый из оппонентов предварительно не излагал точку зрения своего визави, и не получал от него подтверждения, что мысль понятна верно. Так, например, физик, автор теории нейтрино, В. Паули в письме другу-коллеге писал: «От Вас требуется только одно: “Вы должны мне противоречить, тщательно обосновывая”».

Другие случаи можно прокомментировать народными афоризмами различного этнокультурного происхождения: «Умный и дурак не могут беседовать, коза и верблюд не могут бодаться»; «Все мудрецы, куда нету спора»; «Знающий не говорит, говорящий не знает»; «Когда глупец говорит, мудрец молчит»; «Дурак давку любит»; «Тот, кто любит спорить, одержим невежеством».

Но «одержимость невежеством» слишком отлична от обыкновенного «просто невежества», поскольку: «Убедить невежду нетрудно, мудреца и того легче»; «Но глотнувшему каплю знаний – Даже Брахма не угодит».

Человек разумный должен будет признать как неодинаковость способностей и образованности своих современников в этот момент, так и то, что ускорить прогресс с помощью мероприятий типа «хрущевского волюнтаризма» невозможно.

На лестнице, ведущей в небо, нельзя прыгать через ступеньки. Помочь можно только сильному.

Мудрость обязывает понимать, кто перед тобой, и как следует себя вести с тем, кто перед тобой: «Говори слово знающему»; «Говори там, где слушают, лей воду там, где впитывается».



В Коране сказано: «существуют четыре типа людей. Первые знают – и знают, что они знают. Им можно задавать вопросы. Вторые – знают, но не знают, что они знают. Они забывчивы, им нужно напоминать их знание. Третьи не знают, и знают, что они не знают. Они нуждаются в руководстве, их следует учить. Четвертые не знают, и не знают, что они не знают (*поскольку «глотнули каплю знаний» – Н. Б.*). Они столь невежественны, что их следует сторониться».

Особую ценность знания людей, относящихся к первой категории («знают, что знают»), составляет упомянутое понимание ими как неизбежного собственного субъективизма, так и столь же неизбежной собственной ограниченности в возможности постижения истины, сути вещей.

В своем «Курортнике» Г. Гессе отметил: «среди образованных и умных людей сплошь и рядом случается, что каждый воспринимает склад ума и язык, догматику и верования другого как субъективные, лишь приближение, всего, как ускользящую параболу. Но чтобы каждый признал то же в себе, и к самому себе приложил, и чтобы каждый как за собой, так и за противником оставил право на только ему присущие ... душевный склад, образ мышления и язык... – такие прекрасные, казалось бы, разумеющиеся между двумя мыслящими существами отношения ... встречаются до того редко, что мы от души рады даже отдаленному их подобию...»

Это понимание и принятие человеком разумным непреодолимого субъективизма проявляется в *разумном* поиске не «единственно правильной истины» (идеала, системы, концепции, философии, религии), а в поиске или разработке *своей* «истины» и т. п. Происходит так, поскольку именно этому типу людей как никому понятно, что... неизвестно, создавал ли Бог человека по образу и подобию своему, но совершенно точно известно, что *люди создают себе богов по образу и подобию своему*. Эта мысль была высказана еще в далекой античности Ксенофаном Колофинским и Анаксагором, повторена многими историками философии. Ее хорошо конкретизирует С. Моэм: «...образ мыслей философа неотделим от его характера. Зная человека, можно в какой-то мере представить себе и его философию. Не поступки – следствие образа мыслей, а образ мыслей – следствие характера. Истина тут ни при чем. Истина вообще не существует. ... Задача заключается в том, чтобы изучить себя, и тогда философская система возникнет сама собой».

Аналогично высказался и Э. Фромм: «...*характер выполняет также функцию отбора идей и ценностей*. Так как большинству людей кажется, что идеи независимы от их эмоций, желаний и являются результатом логической дедукции. Им представляется, что их жизненную позицию подтверждают идеи и оценки, в то время как на самом деле последние являются таким же результатом их характера, как и их поступки». Постигание человеком разумным этой обусловленности своих идей (в частности, своим же характером) делает его значительно более сдержанным

и спокойным в пропагандистской экспансии мировоззрения, так и значительно более толерантным (заинтересованным) по отношению к чуждой психологии и философии.

Завершая краткий экскурс в психологию Номо сариенс, стоит упомянуть о необходимой для него *способности воспринимать все в широком диапазоне контекстов*, и вообще – в широком контексте, который *не позволяет* преувеличивать значение любого события, предполагает включение любого события в непрерывную цепь прошлого и будущего, а также понимание циклического характера этой цепи, неотменяемую личной волей последовательность ее звеньев.

«*Все уже было, все еще будет*»; «*Все проходит, и это пройдет*»; «*Время жить, и время умирать, время разбрасывать камни, и время собирать*». Подобная контекстуальность восприятия играет не последнюю роль в появлении и развитии *способности к пониманию относительности* всего: «абсолютно верное» *здесь-сейчас-у нас* может совсем не оказаться «абсолютно верным» *там-(тогда)потом-у них* и т. д. В одном своем романе Г. Гессе характеризует одного из персонажей так: «он был поистине мудр, т. е. способен понимать относительность духовных ценностей».

Связаны ли перечисленные выше способности, аспекты и составляющие разума с затоптанным нами умом-интеллектом? Несомненно, связаны, но не так просто, как может показаться. Существует (автономно и от ума-интеллекта, и от разума) *способность*, назначение которой практическим образом, с максимальным КПД, *реализовывать* тот *ресурс*, содержанием которого является наш ум-интеллект (даже если он более чем скромнен). Реализовывать УМ, превращая его в РАЗ-УМ.

Посмотрим на приставки *рас/раз*: *рас-крыть, раз-гадать, раз-вернуть, раз-вить, раз-будить, раз-глядеть, разо-мкнуть, разъ-яснить, раз-ведать*. Глаголы с приставкой *рас/раз* хранят идею *расширения, освобождения, выявления* – сути вещей, внутренней сути, задатков, потенциалов человека и не только. Хотя это «выявление» иногда может оказаться менее впечатляющим и более бедным, чем могло показаться сначала: ведь *раз-венчать, разо-блачить* – тоже из серии постижения сути вещей.

Указанные выше характеристики не исчерпывают полностью содержания *разума-мудрости* (это тема более полного академического исследования). Последнее, о чем нельзя не упомянуть: этим аристократическим способностям, бесценной интеграции опыта невозможно обучиться ни в одном университете мира: они или заданы изначально, или нет. Если нет, то этот вакуум вынужденным образом наполняется (подменяется) высшим образованием, не достигая никогда уровня удовлетворительной компенсации. Более того, именно «ученый» субъект становится большим злом, чем человек необразованный. Это также нашло отражение в народной мудрости: «*Всему учен,*



да не изловчен»; «Много учен, да недосечен»; «Не нужен ученый – нужен смысленный»; «Как нет разума от роду, то не будет и до гробу»; «Не штука наука, а штука разум»; «Лучший разум прирожденный, а не наученный»; «Недоученный хуже неученого, переученный хуже недоученного»; «В ученых не много, да в разуме тверд»; «Лучше неучен – да умен, чем учен – да глуп; Образование – гость, ум – хозяин»; «В умники попал, а из дураков не вышел»; «Вбитое в голову знание – не мудрость».

Об этом же писал В. Розанов: «...десятки тысяч детей уродуются о трудную, сложную школу, чтобы выделить из себя несколько десятков истинно просвещенных людей, около которых остальные толпятся меньше, чем непросвещенной массой – массой развращенной».

Мысль В. Розанова не может не обратить на себя внимание указанием на своеобразную опасность знания, обременившего не подготовленную для него голову. Оно превращается именно «в разврат, растление», не проявляет в человеке разумное начало, а уводит от него. Тем не менее «развращенной» массе ничто не помешает пополнить ряды «интеллигенции», получив не только высшее образование, но и даже ученую степень. Потом эта «интеллигенция» предсказуемо примет новую революцию «за чистую монету» и очередные «пилотные технологии» вновь заблокируют «канал критического восприятия».

История – это неизменная пьеса, которую играют все новые и новые актеры (Анри де Монтерлан).

История вынуждена повторяться, потому что никто ее не слушает (Лоуренс Питер).

Использованные литературные источники

1. Афоризмы старого Китая [Текст]. – М.: Главная редакция восточной литературы изд-ва «Наука», 1988. – 192 с.
2. Великие мысли великих людей [Текст] / сост. А. П. Кондрашов, И. И. Комарова. – М.: РИПОЛ классик, 2006. – 1216 с.
3. Гессе Г. Курортник / Г. Гессе. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://royallib.com/book/gesse_german/kurortnik.html
4. Грановская Р. М. Психология веры [Текст] / Р. М. Грановская. – Питер, 2010. – 480 с.
5. Индийская лирика II-X веков. – М.: Наука, 1978.
6. Кара-Мурза С. Г. «Манипуляция сознанием» [Текст] / С. Г. Кара-Мурза. – К.: Оріяни, 2000. – 448 с.
7. Моэм С. Бремя страстей человеческих / С. Моэм. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://royallib.com/book/moem_somerset/bremya_strastey_chelovecheskih.html
8. Розанов В. В. Сумерки просвещения [Текст] / В. В. Розанов. – М.: Педагогика, 1990. – 624 с.
9. Русские пословицы и поговорки [Текст] / под ред. В. Аникина. – М.: Художественная литература, 1988. – 431 с.
10. 7000 золотых пословиц и поговорок [Текст] / С. Ковалева. – М.: Астрель, 2006. – 479 с.
11. Толстой Л. Н. Анна Каренина / Л. Н. Толстой. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.xn----8sbbbacvezbxj4b6c.xn--p1ai/text/1099/index.html>
12. Фромм Э. Человек для себя [Текст]: пер. с англ. / Э. Фромм. – Минск: «Коллегиум», 1992. – 253 с.
13. Холодная М. А. Интеллектуальная одаренность как проявление своеобразия ментального опыта личности [Текст] / М. А. Холодная // Психология одаренности: проблемы, структура, показатели. – К., 1996. – 100 с.